

"Жестокие и любимые (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Переведено для группы:

- 1 -

3 года

43 недели

2 дня

Когда мне было девять лет, папа собрал свои вещи и уехал. На улице было ясно и солнечно. На мне был джинсовый комбинезон, а в воздухе витал аромат черники, я наблюдала за ним, пока он не сел в такси и оно не помчалось прочь. Я пыталась за ним бежать, но мои шажочки были слишком маленькими.

В тот день он научил меня чему-то действительно важному.

Когда все усложняется, люди уходят. Не то чтобы я их осуждаю. Со сложностями действительно тяжело справиться, они вытягивают энергию, время и внимание. Поэтому люди уходят. Уходят, поскольку так легче, они смогут использовать это время и энергию где-нибудь еще, на что-то не столь сложное. Отец ушел, потому что мама слишком много ворчала, так как нервничала, воспитывая меня, и у них постоянно не хватало денег, опять же, из-за меня, ведь им нужно было поставить меня на ноги. Это было тяжело для них обоих. И все из-за меня. По большей части, это была моя вина. Они были бы счастливы, если бы у них не было меня. Я так и не собралась с духом, чтобы попросить у них за это прощения.

Но теперь я уезжаю в колледж. Я выросла и больше не нуждаюсь в них столь сильно, как раньше. Я отличаюсь от той маленькой девочки, которая пыталась бежать за такси.

Солнце пытается уничтожить мои глазные яблоки. Просыпаться каждый день в два часа дня означает, что я рок-звезда. Или зомби. Возможно, и то, и другое. Рок-звезды принимают кокаин, а кокаин – это пыль зомби1, верно? Верно. Я так много знаю о наркотиках. Я иду в колледж и так много знаю о наркотиках. Со мной все будет в порядке.

- Айсис? - Раздается стук в дверь, и в мою комнату проникает папин голос. - Почему ты говоришь о наркотиках? Ты что, куришь травку, юная леди?

Я вскакиваю с постели, надеваю джинсовые шорты и разглаживаю свою мятую после сна рубашку, прежде чем побежать и открыть дверь. Папа осуждающе смотрит на меня сверху вниз, его темные волосы уже тронула седина, а глаза такого же тепло-коричневого цвета, как и мои.

- Естественно, я выкурила целых три косяка марихуаны, - объявляю я. - Четыре-двадцать2 . Заяви об этом всем. Что-то в духе Боба Марли.

Папино выражение лица не меняется, тогда я обнимаю его и скачу вниз, мимо дюжин семейных фотографий. Стены в коридоре чисто-белые, а ковры просто роскошные. Перила из вишневого дерева начищены до блеска, а лестница, ведущая вниз, огромная, словно из «Золушки».

- Айсис, вот ты где! Доброе утро.

- А вот и злая мачеха, - бормочу я. Она, вообще-то, вовсе не злая. По шкале от ангела до демона, ей, безусловно, светит четверка, то есть она что-то вроде рассеянной эгоистки. Тот же уровень, что и у заместителей учителей, а также у парней, которые врубают басы в своей машине на полную катушку, когда ты пытаешься заснуть. Я называю ее злой лишь потому, что от этого мне становится лучше. Да, именно, мне хорошо от моей жестокости. Плохо? Хм, так или иначе, это работает.

Голубоглазая блондинка стоит в прихожей и смотрит наверх, ее запястья такие тонкие, что смахивают на терновый куст, а на лице столько косметики, что любой трансовестит позавидует. Я ни разу не видела Келли несобранной и неухоженной, даже ночью и по воскресеньям. Она почти на седьмом месяце беременности, но даже в таком положении Келли выглядит так, будто сошла со страниц каталога «Sears». Меня терзают смутные сомнения, что она - робот, однако я пока не нашла ее зарядное устройство.

- На завтрак у нас круассаны, а еще я приготовила твое любимое блюдо - блинчики со взбитыми сливками! Ты ведь их любишь, верно? По крайней мере, так сказал твой отец.

- Ага. Я их очень любила. Когда мне было четыре года, - широко улыбаюсь я, пока ей не становится неловко. Папа совершенно не знает, кем я стала. - Слушай, благодарствую за попытку влезть в шкуру Марты Стюарт, но у меня другие планы на завтрак!

- Нет у тебя никаких планов, - говорит она пренебрежительно.

- Ух, на самом деле, есть. С друзьями.

- Какими друзьями? Здесь, в Джорджии, у тебя нет друзей.

- Ты должна знать, что у меня есть друзья во всем пространственно-временном континууме. И некоторые из них обладают телепатией. И могут метать огненные шары. Тебе нравятся огненные шары? Надеюсь, что нравятся. Потому что моим друзьям нисколько не нравятся люди, называющие меня одинокой!

Идеальное фарфоровое личико Келли мрачнеет. Я уже к этому привыкла, так как все четырнадцать дней, что я нахожусь в Джорджии, она состраивает именно эту гримасу каждый долбаный раз, когда что-то вылетает из моего рта. Она ненавидит то, что я говорю и то, кто я есть. Я не соответствую ее шаблону «идеальная девочка-тинэйджер». Мачеха хочет сказать мне, что я смешна или что я переборщила, но она этого не делает, поскольку в первую очередь,

она желает мне понравиться. Я прохожу мимо нее и хватаю со стола в коридоре свой кошелек и ключи.

- Как насчет небольшого шоппинга? - предлагает Келли, когда я практически подхожу к двери. - Мы могли бы пойти, куда ты только захочешь! В центре есть замечательное место...

- А как насчет нет? - отвечаю я. - Однако с уклоном в «нет, спасибо»?

- Очень плохо, - Келли выжимает улыбку. - Я действительно хотела бы тебя узнать.

- Ты действительно хочешь меня узнать? Хочешь знать, что я наложила в штаны в третьем классе? Что мне нравится плохая поп-музыка, карусели и оранжевый цвет?

- Отличное начало! - говорит она.

- Ты хочешь мне понравиться. Тебе без разницы, кто я, ты просто хочешь мне понравиться. Но это не сработает. Это не может произойти в один момент.

- Что здесь происходит? - спрашивает отец, появляясь на лестнице. - Айсис, почему ты разговариваешь с Келли таким тоном?

- Каким тоном? - полусмеюсь, полуусмехаюсь я.

- Вот, снова этот тон. Не смей так со мной разговаривать, я твой отец!

В моем горле образуется горячий, обжигающий ком.

- Ну, прости. Просто данный факт немного сложно вспомнить, когда тебя не было рядом целых восемь лет!

Я выхожу, хлопая за собой дверь. Гравий хрустит под моими разъяренными шагами. Келли неблагоразумно разрешила мне брать ее «старый» черный «БМВ», который, между прочем, практически новый. У нее их пять штук, все разных цветов, с разными откидными верхами и, конечно, навороченными дисками. Я залезаю внутрь, от всей души хлопая дверь, завожу машину и покидаю озелененную лужайку и пальмы, выстроенные в величественные ряды вдоль дороги. Даже игровой домик детей сделан из мрамора и имеет свой собственный крохотный работающий фонтан.

И вся эта роскошь мне доступна, а я веду себя, как плаксивый, выпендренный ребенок на коленях у Санты в торговом центре.

Я выезжаю к пляжу, чтобы успокоить свои бушующие нервы. Я согласилась приехать на лето лишь потому, что отец сказал, будто действительно очень по мне скучал и хотел увидеть до отъезда в колледж. Где-то в огромном и поразительном лабиринте, которым является моя голова, срабатывает гудок телеигры. Бзззззз. Неверно. Папа хотел, чтобы я приехала сюда исключительно из-за того, что чувствует себя виноватым и пытается наверстать упущенное. Но этого никогда не произойдет. Он уже ничего не сможет изменить. Нельзя вернуть прошлое. В отличие от мамы, он так и не вернулся за мной. Келли нисколько не изменилась - я изменилась. Я больше не в силах ее выносить. Теперь я совершенно другой человек. Когда я их навещала два года назад, я была тихой. Грустной. Я не дралась и не спорила. Наши отношения с Безымянным были в самом расцвете. Прошлый раз я сюда приезжала как раз перед...

Я качаю головой, избавляясь от этих мыслей.

В прошлый раз, когда я сюда приезжала, я была невинной. Простой. Чистой...

Отец до сих пор думает, что я все та же маленькая девочка, которой была два лета назад, и обращается со мной, как с ней. Будто я должна уважать его. Будто меня должно волновать, что он говорит.

Но это явно не мой случай.

Ведь он бросил меня. Дважды.

Однако я никогда не смогу сказать это ему в лицо. Ведь это полностью разрушит ту небольшую семейную динамику, которая у меня осталась. Сообщение ему «потрясающей» новости о том, что я не поеду в Стэнфорд также не способствовало улучшению его мнения относительно меня. Он даже уже приобрел дурацкую футболку с надписью: «МОЙ РЕБЕНОК ПОСТУПИЛ В СТЭНФОРД». Кто вообще покупает такие футболки? Туристы и люди с отсутствием чувства стиля? Папа не смог бы разобраться в моде, даже если бы она укусила его за его задницу профессора истории. Он, безусловно, турист, поскольку прибывает в мою жизнь всего на несколько недель, не забывая жаловаться обо всем, что не так идеально, как на страницах журнала «Масу's».

Я делаю глубокий вдох и паркуюсь. Голдфилд Бич - это крохотный, поросший травой, песчаный холмик, располагающийся между ровными возвышенностями серого песка. Вода сегодня беспокойная и темная, будто очень злая ведьма готовит варево-чтобы-убить-много-чуваков. Это Атлантика. Атлантика - место, где я выросла. Запах соли и нагретых на солнце камней заполняет мой нос. Чайки вежливо кричат друг на друга, борясь за кусочки краба. Океан такой огромный, и его действительно не волнует, каким тоном я разговариваю, занимаюсь ли я шопингом или то, что предпочитаю штат Огайо Стэнфорду.

Я скидываю свои туфли и бегу. Бег и я сразу же развелись после того, как я похудела. Но прямо сейчас бег - самое лучшее средство. Даже «БМВ» провонял Келли. Бег - единственный способ действительно оставить все дерьмо позади.

Это веселый и уникальный опыт, ведь здесь очень много песка. Я бегу и так сильно спотыкаюсь об камень, что, возможно, теперь у меня будет причудливая, деформированная нога хоббита. Я чувствую, как рвота подступает к горлу. И именно в этот момент чайка чудом не гадит на мою руку.

- Все в порядке, приятель! - Я затеняю глаза рукой и смотрю на небо. - К счастью для тебя, я и потрясающе красива, и доброжелательна. Так что, я прощаю тебя!

Птичка же в знак благодарности кидает толстую каплю на мое плечо.

Я вздыхаю. Могло быть и хуже. Меня могли бы окружать люди. На луне. И один из них мог бы оказаться Джеком Хантером.

Мой желудок так сильно скручивается, будто я профессионал йоги. Ледяные глаза заполняют мои мысли, и я призываю остатки моего огня, чтобы их растопить. Не сейчас.

Никогда.

Я далеко от машины, так что ее причудливые немецкие фары не могут наблюдать, как я размышляю о жизни в невероятно мечтательной-но-все-же-сексуальной манере, которой я так знаменита. Да, я определенно прославилась благодаря своей изысканной манере. Эм, точнее приобрела дурную репутацию. Ну да ладно. Интересно, смогу ли я снова приобрести дурную репутацию? В Ист Саммит Хай я оставила свой след, но в университете Огайо я буду ничем. Я буду жвачкой, прилипшей к подошве обуви занятой нью-йоркской леди. Даже меньше этого! Я буду кусочком хлеба, который никто не ест, потому что он находится с незапечатанной стороны упаковки, а соответственно всегда черствый, независимо от того, когда ты его купил!

Я не позволяла себе волноваться насчет переезда в университет. Но сейчас, когда осталось меньше недели, я начинаю переживать. Я практически чертова первокурсница университета штата Огайо! У меня будет собственный уголок в общежитии, соседка по комнате и реальные занятия, где оценки действительно имеют значение! Они определяют мою дальнейшую карьеру/жизнь/будущие перспективы с Джонни Деппом. Сейчас самое время начать относиться ко всему серьезно! Тьфу! От одного этого слова у меня по позвоночнику пробегает дрожь. Серьезно. Сееееерьезно. Злаки очень полезны, серьезно. Однако мои любимые злаковые хлопья «Трикс» предназначены для детей. А университет явно не для детей, он для взрослых.

Я же совершенно не ощущаю себя взрослой.

Однако больше всего на свете я переживаю за маму, но мы запланировали проводить вместе выходные, плюс я буду приезжать к ней каждую среду. Даже ее психиатр говорит, что ей лучше, особенно после того, как посадили Лео. В аэропорту Колумбуса, когда она меня провожала, на ее щеках светился румянец, а целую неделю до этого она улыбалась больше, чем я видела за всю свою жизнь.

Или, возможно, она просто очень сильно старалась держаться ради меня.

Я поднимаю плоский, гладкий камень и пытаюсь бросить его так, чтобы он попрыгал по поверхности воды, но вместо этого он сразу же идет ко дну.

Ист Саммит Хай своего рода поник после смерти Софии. Никто вам этого не расскажет, ну, конечно, кроме меня. Эйвери стала все реже и реже появляться в школе, пока вскоре и вовсе перестала туда ходить. За день до выпускного мы узнали, что она в психиатрической больнице проходит интенсивную терапию. О выпускном бале не могло быть и речи. Общественный порядок Ист Саммит Хай был брошен в блендер, который включен на полную мощность – девочки всеми силами пытались заполнить вакуум и прибрать к рукам корону Королевы выпускного бала. Хотя Эйвери все же появилась на церемонии вручения дипломов, она подошла к трибуне, когда назвали ее имя, и получила диплом. Она выглядела бледной и изможденной, а ее родители наблюдали за ней, натягивая улыбки сухого ободрения. У меня возникло такое чувство, что они поместили ее в психушку лишь для вида, якобы так она быстрее «поправится», и на самом деле нисколько не заботились о ее самочувствии. Прежде чем любой из нас успел моргнуть, ее быстренько увезли в частный колледж в Коннектикуте, вместо Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе, куда она планировала поехать. Даже если она и была настоящей стервой, я продолжаю надеяться, что в конечном итоге у нее все будет хорошо. Или, по крайней мере, она станет хоть немного счастливее. Но София была ее искуплением, ее идолом, ее другом. Если бы я потеряла всех трех из них, я бы тоже сломалась.

Рен первым пролил слезу на похоронах, он же последним и перестал плакать. Кайла помогла ему пережить самый тяжелый период. Она приходила к нему домой каждый день и оставалась с ним в медпункте во время занятий, когда он разваливался. Ее сердце, также как и мое, обливалось кровью, когда мы видели Рена в таком ужасном, сломленном состоянии. Я постоянно напоминала ему, что нужно питаться, приносила буррито и пироги, а когда он был не в состоянии есть, я писала ему сообщения, напоминая о сне. Вероятно, я не сильно ему помогла. Наверное, я могла бы сделать больше. На выпускном в школе ни один из нас не присутствовал. Вместо этого мы провели его на могиле Софии.

К церемонии вручения дипломов Рен снова научился улыбаться. Он поступил в Массачусетский технологический институт и уехал туда в начале лета, вероятно, чтобы заработать несколько дополнительных баллов, а может, чтобы сбежать от смерти Софии. Скорее всего, оба варианта верны. Это практически разбило сердце Кайлы, однако она собирается в Бостонский колледж в сентябре, что помогает ей справиться с болью. Они очень сблизились после смерти Софии. Не знаю, было ли у них что-то серьезное – в основном Кайла лишь его обнимала. Я ни разу не видела между ними поцелуев, а Кайла отказалась делиться тем, что между ними происходит, и скорее из уважения к Рену, чем из-за смущения. Она очень повзрослела, помогая ему. Сейчас она говорит о «Вог» только раз в неделю!

Я кидаю еще один камешек. Он летит над волнами и дважды подпрыгивает, прежде чем утонуть.

Я буду очень скучать по Кайле. Я уже скучаю.

Мы практически все лето провели вместе, устраивая последние совместные ночевки и распивая бутылочки вина на коровьем пастбище, любуясь звездами. Мы не ходили на вечеринки. Я не испытывала ни малейшего желания посетить хотя бы одну из них. Кайла не дружила с Софией, но эта смерть повлияла на ее самых близких друзей. Мы обещали писать друг другу каждый день. В инстаграме. Твиттере. Фейсбуке. В общем, мы пообещали общаться. Много. Хотя мы и не будем часто видеться, мое сердце покрывает теплое одеяло комфорта, когда я думаю о ней. У нее есть моя спина, за которую она всегда сможет спрятаться, а у меня ее безупречные ягодицы.

Джек Хантер не плакал на похоронах.

Он должен был, но не плакал. Он стоял в углу рядом со своей мамой, которая плакала за них обоих, границы ее черного платья и его черного костюма размылись, смешались, когда она склонилась к нему в поисках поддержки. Его волосы были идеально уложены гелем, а лицо облачено в непроницаемую маску самого мрачного льда, который я когда-либо видела. Под глазами синяки от усталости и изнеможения, а скулы казались острее, чем когда-либо. Я вздрогнула, когда посмотрела на него. Он больше не разыгрывал скучную, бесчувственную комедию. В нем просто не осталось жизни. Он был абсолютно пуст. Жизненная искра была высосана из его глаз, оставляя после себя лишь бледную оболочку. Да все его тело, его физическое присутствие, казалось, представляло собой оболочку - иллюзию, сделанную из зеркал и хрупкого льда, которая рассыплется от легкого прикосновения. На него было страшно смотреть; словно он был чем-то, да, именно чем-то, что не должно быть живым или двигаться. Манекен. Кукольный зомби.

Однажды я попыталась его вернуть. На поминках, в пахнущем плесенью похоронном зале, заполненном корзиночками с печеньем-скорбью и пирожным-грустью, я пролепетала что-то о Софии, вроде того, что священник сказал, будто она была самоотверженной и красивой девушкой, хотя на самом деле совсем ее не знал. Джек стоял в углу, подальше от шума и плачущих людей, уставившись в стакан с водой в своих руках. После моих слов, он медленно поставил стакан на стол и посмотрел на меня, затем взял мое заплаканное лицо в ладони и закрыл глаза.

- Все кончено, - сказал он очень спокойно.

- Что? - спросила я, в то время как внутри что-то оборвалось. Он оттолкнулся от стены и ушел, бросив напоследок:

- Все.

После этого он перестал ходить в школу. Я разговаривала с директором Эвансом насчет этого, и он сказал, что Джек бросил учебу. В Гарварде не аннулировали его зачисление, так что, теоретически, Джек все еще мог там учиться, даже со сплошными неудовлетворительными оценками за последние две четверти. Но мы оба знали, что он не поедет в Гарвард. Его это больше не волновало.

Когда настал апрель, спустя практически два месяца его отсутствия, я начала его искать. Я хотела его найти. Черт, я действительно этого хотела. Я боролась. Сначала я думала, ему необходимо пространство, считала, это поможет. Ведь последнее, что могло бы помочь – это увидеть меня. Увидеть сумасшедшую девочку, которая была твоим заклятым врагом, выслеживающую тебя, будет стрессом даже для великого Вулкана, бога огня. Кроме того, я просто не знала, как ему помочь. Я бы только еще больше все испортила. Сказала бы что-то неправильно. Сделала бы что-то неправильно.

Но когда однажды ближе к вечеру ко мне пришла миссис Хантер, плача и умоляя его найти, я поняла, что должна это сделать.

Я дождалась весенних каникул, и тогда начала гоняться за призраком.

Миссис Хантер отдала мне записку, оставленную Джеком. Самая обычная записка на простой белой бумаге, в которой было написано, что он уходит и чтобы она не вызвала полицию, и, конечно, что он ее любит. В отчаянии миссис Хантер обратилась в банк, чтобы получить информацию по его счету. Деньги за операцию Софии были ему возвращены, и большую часть он подарил кому-то, сняв себе лишь четыре тысячи долларов. Конечно, четырех тысяч достаточно, чтобы прожить некоторое время. Но его не было практически три месяца!

Он оставил все вещи в своей комнате. Единственное, что он взял – это отцовскую шкатулку из-под сигар с письмами Софии. Я искала хоть какой-нибудь признак его присутствия на могиле Талли. Ничего. На могиле Софии осталась лишь поникшая роза. Ей, наверное, было несколько недель. Если бы Джек приходил к ней после этого, он бы положил свежий цветок.

Я проверила больницу. Мира и Джемс сказали, что Джек навещал их второго марта – на следующий день после похорон Софии. Он сказал им, что надолго покидает Ист Саммит Хай, оставив каждому нового, огромного, плюшевого мишку в качестве прощального подарка. Они были друзьями Софии, но для нее это было гораздо больше, чем просто дружба. София их любила. Они напоминали ей Талли – ребенка, которого у нее никогда не будет, Джек это знал и относился к ним соответственно.

Оставалась лишь последняя ниточка – клуб «Роза», и, естественно, я ее не упустила. Я набрала их номер, но оператор не открыл для меня ничего нового, сказав только, что Джейден уволился несколько месяцев назад.

Вот и все, что было в моих силах. Вся моя инициатива резко оборвалась. Джек ускользал из моих рук, словно песок сквозь пальцы.

А затем мне позвонила девушка по имени Лили. Она подслушала мой разговор с оператором клуба «Роза». Лили представилась другом «Джейдена», в чем я очень сильно сомневалась, ведь единственного друга, которого позволяет себе иметь Джек – это свое отражение и/или его собственный глупый мозг. Однако я все же позволила ей произнести длинный монолог и согласилась встретиться с ней в кафе в Колумбусе.

В кафе передо мной предстала шикарная длинноногая блондинка, ростом около шести футов. По ее дорогой сумочке и духам, я сразу поняла, что Лили работает в эскорте. Да она этого и не отрицала, благодаря чему понравилась мне еще больше. Она не тратила мое драгоценное время, так как я пыталась спасти Джека.

Спасти?

Я качаю головой и наблюдаю, как соленые брызги океана опускаются на камень. «Спасти» – неправильное слово. Я не могу так думать. Я не могу спасти себя, не говоря уже о другом человеке. Но некоторое время я хотела его спасти. Я действительно чертовски этого хотела. Ведь из всех людей, Джек больше всего заслуживает помощи. Я думала, что смогу ему помочь, хотя бы немного. Думала, смогу, по крайней мере, сделать гораздо больше для него.

Я смеюсь и со всей силы бросаю камень, не потрудившись сделать так, чтобы он попрыгал по поверхности воды.

Я была такой идиоткой.

Прежняя Айсис ни за что не сдалась бы, когда Лили сказала мне, что Джек встречался с ней перед тем, как покинул город. Он не осведомил ее, куда собирался, но отдал ей конверт из манильской бумаги и сказал, что если девушка по имени Айсис когда-нибудь начнет рыскать вокруг клуба, передать его ей, что Лили и сделала.

- Ты, должно быть, действительно ему нравишься, – сказала Лили, осматривая свои ногти, когда я убрала папку в сумку.

- Да, конечно. Кобрам тоже действительно нравятся мангусты. На расстоянии. По разные стороны электрической изгороди.

- Нет, послушай, – Лили наклонилась и положила одну холодную руку на мою. – Я повидала много мужчин, ясно? Я встречала все типы мужчин. И Джек... Джек – особенный. Он будет отрицать это, но он либо заботиться о ком-то всем сердцем, либо совсем не обращает на него внимания. Он ничего не делает наполовину. Либо все, либо ничего. Люди, которым Джек потрудился оставить прощальные вещи – это люди, о которых он заботится, люди, занимающие очень важное место в его жизни. И ты одна из них.

Мое сердце разбилось, словно его со всей силы ударил борец сумо. Я попыталась вдохнуть глоток воздуха, чтобы что-то сказать, но каждый вдох причинял острую боль. Я не хотела ей верить. Как я могла ей поверить после того, как он, бросив все, просто сбежал?

Вскоре Лили ушла, оставив меня смотреть на конверт.

Прежняя Айсис ни за что бы не сдалась, увидев, что внутри.

Он не оставил мне записку или гигантского плюшевого медведя. Он оставил мне билет в Париж, с единственным словом «Прости», начерканным на нем его аккуратным, размашистым почерком.

Мои глаза горели. Он пытался избавиться от меня.

Нет, Айсис, не драматизируй. Из этого ничего хорошего не выйдет. Яркий тому пример – Аманда Байнс или кролики, которые умирают, когда их сердца бьются слишком быстро, или каждый эпизод сериала «Остаться в живых». Возможно, Джек и был бессердечным, но он также...? Также что? Также, несомненно, не заботился обо мне. Он даже не попрощался со мной лично, а теперь передал мне этот билет. Очевидно же, что он сам не был в Париже, прося меня присоединиться к нему. Ведь это глупо романтично. В Джеке сочетается много разных качеств, но «глупый» и «романтичный» находятся в самом конце этого списка, наряду с «приятный» и «в целом терпимый».

Я много раз говорила Кайле, что хотела путешествовать по Европе, больше в шутку, конечно. Но Джек часто находился рядом, чтобы услышать это, когда они встречались. Он, должно быть, воспринял мою шутку всерьез. Количественная информация.

Я достаю из кармана билет. Он потерт и смят, а самолет улетел шесть дней назад, но я не смогла его выбросить или использовать. В конце концов, Джек использовал деньги на операцию Софии, чтобы купить его мне. Никогда бы не смогла принять (или отвергнуть) нечто подобное. Так что я просто сохранила его. Более храбрая Айсис использовала бы его. Невинная Айсис использовала бы его.

Если я сейчас закрою глаза, то смогу вспомнить, как вошла в комнату Джека в поисках подсказки, куда он уехал. Пляж исчезает, и я лежу на его кровати, смотря в потолок и гадая, где он находится в этом адском заднем проходе, который мы называем Землей. В безопасности ли он. Знаю, я не смею даже просить о его счастье – это слишком много. Но, находясь в безопасности, в один прекрасный день он снова сможет стать счастливым. Или, по крайней мере, я так думаю. Не уверена на сто процентов. Я могу показаться высокомерной, говоря, что уверена в этом, ведь ни один человек, которого я любила, не умирал. А Джек потерял троих. Но я действительно хочу, чтобы это оказалось правдой, и он снова смог стать счастливым.

Возможно, этого никогда не произойдет.

Возможно, он необратимо сломался.

Его комната исчезает и возвращается океан. А ком в горле возвращается с удвоенной силой.

- Надеюсь, ты в безопасности, идиот, - шепчу я волнам.

Я могу лишь надеяться на это и двигаться дальше. Я не могу ждать вечно. У меня и своя жизнь есть. Я просто хочу, чтобы все сложилось иначе. Нет, не чтобы мы встречались. Поскольку это

было бы ужасно и глупо эгоистично/невозможно из-за смерти Софии. Я просто забочусь о нем. Как о враге. Как о сопернике. Как о единственном в мире человеке, который может бросить мне вызов. Я хочу, чтобы он был здоров и хорошо функционировал, ведь тогда мы смогли бы встретиться и снова сразиться. Так как сражаться было весело, я многому научилась благодаря нашей войне, очень повзрослела. Только сражения. Это все, по чему я скучаю. Все.

Мое сердце сжимается, и я начинаю плакать. Чтобы исправить это, я снимаю рубашку и вытираю ей испражнения чаек с капота «БМВ» Келли. После чего начинаю смеяться.

И это замечательно, кроме той части, в которой все это перерастает в истерику.

- 2 -

Его выдала кривоватая ухмылка мальчишки.

Он улыбался так, как это делают подростки, когда собираются выкинуть какую-нибудь пакость. Вполне вероятно, жестокую и мучительную. А также, скорее всего, незаконную и, безусловно, доставившую им незабываемое веселье. Однако нисколько не сомневаюсь, что не такую уж и забавную для людей, над которыми ее провернут.

Вот почему я следую за ним. Я прекрасно знаю эту ухмылку. Знаю ее ценность, как каждую частичку своей души. Ведь сам лично не единожды прибежал к подобной улыбке, когда был более глупым, злым мальчишкой, который потерял отца и вынужден был отыгрываться за это на всем мире. За пару мгновений до того, как я поднял битую на Лео, на моем лице расплылась именно эта ухмылка. Однажды эта же улыбка красовалась на моем лице во время сопровождения женщины, которая находила сценарии изнасилования безмерно сексуальными.

После того, как я ее покинул, меня рвало еще целый час. Я пытался вытравить ее из своих воспоминаний, пытался очистить себя от порока. Очистить все человечество.

Но это никогда не срабатывало.

Я следую за мальчишкой, который приводит меня к двум своим – уже без сомнения – соучастникам. Первогодки старшей школы, наверное. Тощие, в узких джинсах и с наушниками, свисающими из карманов. Ни мускул. Ни опыта. Ни мужества. Вот почему они загнали бомжа в угол между мусорным контейнером и стеной, исписанной граффити карамельного цвета, потемневшее по краям. Прогнившее. Малолетки смеются и толкают одетого во фланелевую рубашку и грязные брюки бездомного, который дрожащими руками вцепился в полусъеденный банан, незадолго выуженный из мусора. Его загорелое лицо украшает спускающаяся до груди седая запутавшаяся борода. Мужчина что-то бормочет себе под нос; настолько тихо и быстро, что походит на песнопение... или проклятие. Он не хочет умирать. Он каждый день проводит в борьбе за жизнь.

- Что? Не слышу, ты, чокнутый ублюдок! - Мальчишка театрально наклоняется, приложив руку к уху. - Говори громче, думаешь, мы сможем услышать твоё дерьмо, если ты будешь так

мямлить.

Второй парень вытаскивает из кармана телефон и направляет на них объектив.

- Достал. Записываю, можешь начинать.

Третий мальчишка хмурится.

- Не надо, чувак, кто-нибудь увидит.

- Нет, никто не увидит, - рявкает второй подросток. - Во всяком случае, мы снимем его со спины. - Он поворачивается к первому мальчишке. - Мы снимем тебя со спины. Давай!

Первый парень колеблется, и тогда я понимаю, что он не представляет собой реальную угрозу, впрочем, как и третий, который выглядит очень нервным, словно только и ждет подходящего момента, дабы сбежать. Второй парень; тот, что с камерой. Вот кто представляет настоящую угрозу. Трус, прячущийся за объективом камеры, точно так же, как и Рен той ночью. Однако, в отличие от Рена, мальчишка весело улыбается. У Рен же не было и намека на улыбку. Он будто пребывал в коматозном состоянии, совершенно ничего не соображая. Словно спрятал свою душу глубоко-глубоко, уберегая ее от насилия. Этот же, «великий видеооператор», подстрекает, подзадоривает, понукает, используя всю свою маленькую, большую власть, которой располагает в своем долговязом подростковом теле.

Прежде, чем выбить камеру из его рук, кратко благодарю любого слышащего меня Бога. Я прожил достаточно, чтобы изучить разницу между просто плохими людьми и по-настоящему ужасными. К сожалению, некоторым этого не суждено узнать, и им причинят боль.

Как Айсис.

Как Софии.

Сердце болезненно сжимается, и я снова наношу удар, но на сей раз по его лицу. Мальчишка отшатывается, а сквозь его пальцы, которыми он прикрывает нос, течет кровь. Его друзья недоуменно отскакивают. Бездомный вскрикивает и забивается в угол, прикрывая голову тощими руками.

- Твою мать, кто ты такой?! - кричит второй мальчишка.

- Никто не имеет права бить Реджи! - Первый мальчуган принимает боевую позицию.

- Убирайтесь отсюда, - спокойно произношу я. - Или вы будете следующими.

- Да пошел ты! - Первый бросается на меня, и я ныряю в сторону, заломив его руки за спину одним плавным движением. Он борется, пытается пнуть и ударить головой, но у меня стальная хватка.

- Эй, ты, - говорю я третьему. - Помоги своему другу подняться, и уходите. Когда будете за углом, я отпущу вашего приятеля.

Третий от напряжения покрывается испариной, его глаза мечутся между истекающим кровью и обездвиженным мной. Приняв наконец правильное решение, парень помогает подняться своему приятелю с камерой, который, яростно матерясь, хватая свой телефон и, прихрамывая, скрывается за углом вместе с ним. Я выжидаю около ста секунд и отпихиваю первого мальчишку. Он отступает, пальцем указывая на меня со свирепым, перекошенным выражением лица.

- Я убью тебя, ты, кусок дерьма!

- Нет, - хладнокровно отвечаю я. - Не убьешь.

Сказанное мною становится последней каплей, наверное, я задел его гордость. И мальчишка вновь бросается на меня, однако в этот раз я вынужден быть беспощадным. Уворачиваясь, оказываюсь позади него, хватаю его за шею и сдавливаю до тех пор, пока он не теряет сознание. Затем аккуратно опускаю на землю и протягиваю бездомному руку.

- Нам нужно уходить. Его друзья скоро вернуться.

Бомж распрямляется, его водянисто-голубые глаза находят мои, и он медленно кивает, выражая свое доверие. Затем осторожно берет меня за руку, и я помогаю ему подняться. Всю дорогу, пока мы выбираемся из этого грязного переулочка, возвращаясь обратно на парковку перед аллеей с магазинами, где немало машин и слишком много свидетелей, чтобы хулиганы попытались выкинуть что-нибудь еще в том же духе, я заставляю его идти передо мной, охраняя тыл. Походка бездомного твердая, выправленная, однако хромота затрудняет его движения. Вероятно, ветеран, оказавшийся в затруднительном положении.

- Спасибо, - хрипит мужчина. Я качаю головой, открывая бумажник и вытаскивая две двадцатки.

- Пойди купи себе нормальной еды.

- Спасибо. Да благословит тебя Бог, - говорит он, беря деньги и направляясь вниз по улице к магазину.

«Он благословил. Бог благословил меня», - думаю я, глядя вслед бездомному. - «А затем все забрал».

Отгоняю эту мысль прочь. У меня положение гораздо лучше, чем большинства людей. Но именно эта самая привилегия мне и претит. Мне восемнадцать. Я чистокровный европеец. По маминой линии у меня итальянские корни, а по папиной – русские. Я довольно симпатичный белый парень, мозг которого не запятнан общепринятыми стереотипами. Мы с мамой никогда не нуждались в деньгах. Мне повезло. Я нахожусь в привилегированном положении.

Бездомный, ковыляющий к магазинам, – вот кто нуждается в Божьей помощи больше меня.

София нуждалась в помощи больше, чем кто-либо.

И я подвел ее.

Не смог помочь.

Циркуляция жизни сливается в белый шум в моих ушах, омывая меня и все вокруг. Люди проходят мимо, представляя собой вереницу размытых лиц. Все кажется нереальным – это мир, заключенный в снежный шар. Краски аллеи с магазинами тусклые, вместо того, чтобы быть яркими. В воздухе запахи стиреофома и древесины, а не солнца, грязи и жирного фаст-фуда. Все неправильно. Я неправильный.

Но я и так это давно знаю. Я вне нормы. Слишком выделяюсь. Слишком холодный. Не такой, как все остальные лица в толпе. Я не проникаюсь чувствами столь же глубоко, как они. Не трепещу от невероятного количества переполняющих меня эмоций, как они.

Если бы я был больше похож на них, теплее, смог бы я предугадать, что собиралась сделать София? Смог бы понять ее лучше? Смог бы увидеть ее отчаяние и остановить его?

Если бы я был больше похож на Айсис, смог бы спасти ее?

«Вот что ты делаешь, Джек». – Эхом раздается ее голос. – «Ты защищаешь людей».

Мои пальцы подергиваются, костяшки пальцев обагрены кровью. Я разворачиваюсь и направляюсь к машине.

Я направлялся на встречу со своим новым работодателем, Грегори Калланом, из «Вортекс Интерпрайзес». А эта маленькая экскурсия на аллею с магазинами посвящалась банкомату, где я смог бы снять деньги. Но меня отвлек бездомный.

Сентябрьский воздух вокруг меня изнемогает от жары, сверчки исполняют одинокие песни в высокой золотистой траве на обочине шоссе. Волна испепеляющей жары – последнее издыхание зверского раз-в-столетие лета, поражающее Огайо. Колумбус никогда не выглядел суше или больше. Небо бледное, бело-голубое и простирается вечно. Белая рубашка прилипает к каждому пропитанному потом изгибу моего тела, а темный пиджак поверх нее неприятно

жаркий.

Я не должен быть здесь.

Я должен быть в Кембридже, штат Массачусетс.

Или в Гарварде, разместившись в тусклой комнатке общежития, учиться терпеть идиота, который будет моим соседом по комнате в течение года. Должен посещать занятия, делая пометки в ноутбуке, купленным мамой. Но я вернул ноутбук и вернул комнату в общежитии. Я вернул все. Я пересмотрел свое обучение, закрыл банковские счета, собрал единственный черный рюкзак и оставил записку на кухонном столе, повествующую о том, чтобы мама не волновалась.

А затем ушел.

Тот мир – невинный маленький аквариум молодых беспокойных людей, именуемый колледжем – не для меня. Я взрослее их. И так было всегда. Я умнее их. И так было всегда.

«Удивительно, что тебе удастся оторвать голову от подушки по утрам».

Голос четко звенит в моих ушах. Но теперь мне лучше его игнорировать. Сейчас он стал немного тише. Я не видел эту девушку полгода, однако ее голос глубоко проник в мой мозг. Это невероятно. Невероятно раздражает. Это может быть либо доказательством ее невыносимо стойкой личности, либо доказательством моего нежелания отпустить несколько последних моментов своей жизни, которые были по-настоящему счастливыми. Счастливыми? Не уверен, был ли я вообще когда-либо счастлив, даже с нею. Это путаница нечетких воспоминаний и украденных моментов нежности, пронизанная обжигающим чувством вины в виде Софии.

Возможно, я был счастлив. Но это бессмысленно. Нет никакой ценности в том, чтобы быть счастливым.

Нет никакой ценности в том, что не длится долго.

Я сворачиваю направо к судоходному каналу Колумбуса, где фуры укомплектовывают партией из пяти пыльных, огромных контейнеров «Мэтсон». Два массивных крана шумно переставляют контейнерные блоки, загружая и выгружая со скрипящей, покорной неторопливостью. Мужчины в оранжевых жилетах и защитных шлемах перемещаются между контейнерами, проверяя содержимое, делая пометки в бумагах и выкрикивая ругательства друг другу сквозь упорядоченный хаос. Грегори, высокий, широкоплечий мужчина с внушительными седыми усами и в твидовом костюме, стоит на ближайшем пустыре. Рядом с ним находится молодой человек пониже, однако тучнее, одетый в темный костюм, как и я. Его поза напряженная, но в то же время расслабленная. Волосы торчком. Глаза темные. А татуировка дракона вьется до его шеи. Это Чарли Морияма – правая рука Грегори и наиболее надежный телохранитель, помимо меня.

Напротив них стоит женщина с черными собранными в аккуратный пучок волосами, в женском брючном деловом костюме и выглядит очень профессионально. Да, она, безусловно, профессионал. Однако в какой области я не могу сказать точно. Не видно очевидного бугорка от оружия, как и хоть какого-нибудь украшения, которое выдало бы ее как наркоторговца, или татуировок, которые охарактеризовали бы ее как члена банды, либо они хорошо спрятаны, либо у нее их и нет. На ней даже нет ни грамма косметики. Странно, учитывая, что большинство женщин, прибегающих к услугам Грегори, как правило, состоятельные домохозяйки с жадной мести.

Грегори замечает меня и машет. Он очень хорошо разыгрывает из себя такого веселого старичка – маска, за которой скрывается порочный бизнесмен, иссохший солдат и мастер черного пояса.

- Джек! Мы с Ванессой как раз говорили о тебе.

Я останавливаюсь рядом с Чарли, который скрещивает на груди руки и ворчит:

- Тебя не было слишком долго.

- Пришлось сделать крюк, – отвечаю я. – Ремонтные работы на дороге.

- Да? – фыркает Чарли. – Наверное, те же «ремонтные работы», благодаря которым ты оказался в новостях на прошлой неделе? – Хватит, Чарли, – улыбается Грегори. – Давай хотя бы попытаемся изобразить из себя друзей перед... – Он поворачивается к женщине и вопросительно приподнимает бровь.

- Давайте пока называть меня потенциальным клиентом, – отвечает Ванесса. Ее пронзительные голубые глаза прикованы к костяшкам моих пальцев. И я пытаюсь вытереть кровь о штанину.

- ...потенциальным клиентом, – заканчивает Грегори. – Кроме того, ничего страшного, что Джек задержался на пять минут. Если бы я тебя не знал, Чарли, то подумал бы, что ты завидуешь.

- Завидую? – усмехается Чарли. – Ага, босс, я очень завидую этому подражателю Бэтмена.

Я поднялся по служебной лестнице быстрее кого-либо в «Вортексе». Грегори сам лично меня тренировал. Конечно, Чарли завидует. В этом бизнесе он уже многие годы, хотя ему не более двадцати двух лет. Ему до заусенцев пришлось руками прорывать свой путь наверх. Поэтому не удивительно, что меня он считает испорченным и избалованным.

- Не знал, что то, чем я занимаюсь в свободное время, подлежит твоей критики, – произношу я.

Чарли метает в меня свирепый взгляд.

- Да, знаешь, подлежит, когда ты, блин, используешь полученный здесь опыт, чтобы выбивать дерьмо из ребят, которые воруют фруктовое мороженое.

- Они ограбили женщину, - спокойно возражаю я.

- Они были заурядными идиотами, проворачивающими мелкое преступление! - огрызается Чарли. - Но твой крохотный комплекс спасителя заставил тебя понапрасну потратить время на их тупые задницы.

- Вот именно. Мое время. Не твое. И как я им распоряжаюсь, тебя не касается.

- Из-за тебя мы попали в новости, идиот! Мы - «Вортекс», а не чертов «Уол-Март»!

- У них не было ни его имени, ни фотографии, - вмешивается Грегори. - Seriously, Чарли, расслабься. Мы здесь не для охоты на ведьм, у нас, вообще-то, деловая встреча. Уладим это позже.

Чарли краснеет до корней своих торчащих волос. Перевожу взгляд на Грегори и замечаю, что за его ослепительной улыбкой прячется недовольство. Ему следовало давным-давно уgomонить Чарли. Однако Грегори намеренно позволил ему болтать в присутствии клиента, таким образом он предоставил возможность Чарли поставить себя в неловкое положение. Это своеобразная тонкая игра - ловушка для ума, в которую Грегори обожает играть. Большинство молодых людей, которых он нанимает, слишком глупы, чтобы обойти ее. Но не я.

- Ванесса, - начинает Грегори. - Не будите ли Вы так любезны представиться?

Она кивает и вытаскивает из пиджака удостоверение личности. Я чувствую, как мое дыхание замедляется. ЦРУ.

- Боже, босс, - процеживает сквозь зубы Чарли. - Почему, черт возьми, мы разговариваем с федералами?

- Я Ванесса Редгейт, - произносит женщина. - Отдел кибербезопасности. Мы предлагаем мистеру Каллану контракт.

- За спиной у ЦРУ, полагаю? - спрашиваю я, жестом обводя окружающую местность. - Учитывая оригинальное место встречи.

Ванесса кивает.

- Мы охотимся за небольшой элитной группой хакеров, которые перетасовывают денежные средства на крупнейшем «черном» интернет-рынке.

- Спайс Роуд, - говорю я.

Ванесса снова кивает.

- Впечатлена. Не знала, что агенты «Вортекса» преуспели в чем-то еще, кроме накачивания своих мышц.

Грегори смеется и похлопывает меня по плечу.

- Джек - особый случай. Пожалуйста, продолжайте.

- В общем, эти хакеры работают на Спайс Роуд. Они называют себя привратниками. Руководство ЦРУ единогласно решило отказаться от помощи сторонних наемников...

- Подрядчиков, - поправляет Грегори, сверкая улыбкой. - Мы предпочитаем термин «подрядчики».

Ванесса устало на него смотрит, однако исправляет.

- ...решило отказаться от помощи сторонних подрядчиков. Но мой непосредственный начальник, как и огромное количество агентов в рамках проекта, годами работал над тем, чтобы выследить привратников. И вот мы, наконец, напали на след, однако руководство не хочет рисковать, перебрасывая кого-либо из команды в тыл «врага», боясь спугнуть их в подполье. А обучать специальных агентов непосредственно для этой миссии просто нерентабельно, да и к тому времени, когда мы их обучим, след может уже простыть.

- И вот тут в игру вступаем мы, - говорю я.

Она кивает.

- У нас есть веское доказательство, что двое, тесно связанных с привратниками, недавно перевелись в Государственный Университет Огайо на второй курс. Ваша задача: вести наблюдение за этими двумя, не вызывая при этом подозрений. Конечная цель: собрать доказательства, желательно копии жестких дисков и регистрационных записей их хакерской деятельности или их переписки с самими привратниками.

- Как долго? - ворчит Чарли.

- Простите? - Ванесса вскидывает бровь.

- Как долго будет длиться контракт?

- Контракт будет в силе столько, сколько вы сможете сохранять свое прикрытие в университете.

- Итак, контракт на неопределенный срок, - констатирую я.

- В общем-то, да, или до тех пор, пока не соберете доказательства, которые мы сочтем достаточно вескими, чтобы повесить на них обвинение.

Я смотрю на Грегори, который лишь пожимает плечами.

- Вы с Чарли - наилучшие кандидаты для этой работы. Ты достаточно молод, чтобы учиться в колледже. А Чарли мы можем выдать документы, согласно которым он будет на год младше. Также сможем поселить вас в одной комнате в общежитие.

- Вы просите нас сидеть на наших задницах и целый год ходить в универ с кучкой привилегированных придурков? - спрашивает Чарли. - Вы шутите, босс? Вы знаете, как скучно...

- Обучение оплатят. Вы должны будете посещать занятия и сохранять достаточно хорошие оценки, чтобы вас не отчислили, - прерывает Ванесса. - Но вашей основной задачей будет наблюдение. Естественно, никто не должен знать истинной причины вашего нахождения в этом университете.

- Двое из привратников - студенты университета, - размышляю я. - У вас есть их имена?

- Да, но это секретная информация, я не стану ее разглашать. Мы вышлем их досье лишь после заключения контракта.

- И мы должны заниматься этой фигней хрен знает сколько времени?! - протестует Чарли. - Босс, я присоединился к «Вортекс» не для того, чтобы вернуться в универ, а, наоборот, чтобы держаться от него как можно дальше.

- Сейчас начало учебного года. Вы отлично впишитесь, - отвечает Грегори, и в его голосе отчетливо слышатся стальные нотки. - Уверен, вы двое справитесь. Особенно ты, Чарли. У тебя есть харизма. Воспользуйся ей.

- Но я бы предпочел остаться с Вами, босс. Арамон...

Грегори тянет Чарли за руку, а мне жестом показывает наклониться.

- Арамон никуда не денется, а привратники - запросто. Послушайте, это может показаться мелким делом или недостаточно привлекательным, или не интересным, но это хорошая, серьезная работа, которая, между прочим, вполне недурно оплачиваемая. ЦРУ заплатит, твою мать. И будет очень даже неплохо иметь их в должниках у «Вортекса». Ясно? Мы хотим, чтобы они были у нас в долгу, особенно когда мы будем иметь дело с Арамоном.

Глаза Чарли озаряются пониманием, я же борюсь с желанием закатить свои.

- Когда нам нужно уезжать, сэр? - спрашиваю я.

Грегори пожимает плечами.

- Как можно скорее, полагаю. Как только я получу детали, сразу перешлю вам. Все, что от вас требуется - это согласиться на контракт.

- Я согласен, сэр, - говорю я.

Грудь Чарли вздымается под тяжестью вдоха.

- Я... я тоже, босс! - выпаливает он, прожигая меня взглядом. - Не позволю Бэтмену все на хер испортить.

- У меня есть имя, - растягивая слова, произношу я.

- Джек, точно! Джекмен. Джекоффмен, - «оригинальничает» он. Оскорбления звучат так знакомо, жаль горькой сладостью, но я не позволяю им меня задеть.

- Ладно, хватит паясничать. - Грегори выпрямляется и, протягивая руку, улыбается Ванессе. - Мои ребята говорят, что согласны.

- Отлично, - отвечает она, пожимая его протянутую руку. - Буду держать вас в курсе. А теперь прошу меня извинить.

Секундой спустя она уже скрылась за контейнером «Мэтсон». Ванесса двигалась так быстро, что я едва мог проследить ее путь. Должно быть, она спланировала свой уход заранее. Чарли словно передергивает.

- Чертовы правительственные агенты.

- Она не кажется такой уж плохой, - говорю я.

- Конечно, она не кажется тебе плохой. Ты уже практически один из них, весь такой роботизированный головорез. Спорю, ты и глазом не моргнув убил бы собственную девушку, если бы тебя попросил босс.

Прежде, чем успеваю остановиться, я с силой хватаюсь за лацканы его костюма. Мир вновь становится ужасным белым шумом, размывая лицо Чарли, приглушая настойчивый голос Грегори, который пытается убедить меня отпустить его. Я впечатываю Чарли в контейнер «Мэтсон». Запахи пыли, пота и стали превращаются в пепел у меня в носу. Он всего лишь человек из снежного шара. Марионетка. Я так легко мог бы его уничтожить, прервать его жизнь, как сделал с тем мужчиной в ту ночь на берегу озера, как чуть не сделал с Лео, как сделал с Софией...

Ведь, в конце концов, я позволил ей умереть.

Убил ее.

В карих глазах Чарли читается страх, и это единственное, что сдерживает рев от того, чтобы поглотить мой разум. Отпихиваю его и шагаю обратно к машине. Грегори следует за мной по пятам и, как только я захопываю дверцу машины, жестом показывает мне опустить окно. Что я неохотно выполняю.

- Посмотри на меня, - произносит Грегори мрачным непреклонным голосом. Я неохотно встречаюсь с ним взглядом. - Ты сможешь это сделать? Или нам следует возобновить тренировки?

Все мое тело инстинктивно передергивает от невероятно реальных воспоминаний тренировок с Грегори. Воспоминаний крови, сочащейся из моих ушей, созерцания сломанного дерева, похороненного глубоко под землей, запахов грязи и тьмы в моем носу. Нет. Я не хочу еще раз подвергаться такой тренировке.

- Я держу зверя под контролем, сэр, - медленно отвечаю я.

Грегори изучает меня пронизывающим взглядом, затем кивает и похлопывает по капоту автомобиля.

- Тогда собирайся. Тебя ждет университет.

Мы возвращаемся в мотель, который оплачивает для нас Грегори. Две односпальные кровати, тараканы в микроволновке, возможно, многолетние кровавые пятна на стене, и все же, это лучше, чем спать в своих автомобилях. Лучше, чем гравий, на котором он заставлял меня спать во время тренировок. Чарли бормочет ругательства и сразу же запрыгивает в душ. Я

заказываю китайскую еду и включаю ноутбук. Всегда пунктуальный трудоголик Грегори уже переслал нам досье. Лица двух привратников смотрят на меня со своих файлов ФБР. Один – загорелый качок со смазливой мордашкой и темными кошачьими глазами. Кайл Моррис. Другой – красавец с каштановыми волосами, симметричными чертами лица и глазами, как холодная сталь.

Уилл Кавано.

- 3 -

3 года

44 недели

2 дня

Мне кажется, старикам действительно нравится говорить вам, что нужно наслаждаться жизнью, пока молод. Так обычно говорят люди, которым четыреста девяносто лет и которые ездят на «Вольво». Не то чтобы с «Вольво» было что-то не так. Нет. Но возраст, уж извините. Наличие большого опыта делает вас скучными и пресными, как содовая недельной давности.

Приложение А: Джек Адам Хантер;

Приложение Б: возможно, бессмертные вампиры;

Приложение В: бабушки и дедушки.

Кроме моей бабушки. Моя бабуля потрясающая! Когда мне было два месяца, она катала меня в корзине, прикрепленной к ее «Харли-Дэвидсон». Вполне вероятно, что именно этот опыт, полный ветра, выхлопных газов и моторного рева, превратил меня в ту лихую героиню, которой я являюсь сейчас. Думаю, родители отправили ее в дом престарелых, мотивировавшись тем, что брать маленькую внучку на прогулку с бандой байкеров является первым признаком слабоумия или что-то типа того. Но сейчас, когда я в Джорджии, мы наконец-то воссоединились. Были слезы. И сопливые платки. Это длилось примерно пять минут, после чего мы перешли на стадию безумства.

- Я, конечно, не из тех, кто подвергает сомнению обоснованность совершения тщательно продуманных поступков, - говорю я, протягивая бабушке еще одну горсть фейерверков. - Но если бы я была такой, ну, знаешь, очень скучной, несчастной и, безусловно, непохожей на себя, то обязательно бы спросила: какого черта мы делаем на этой крыше в четыре часа утра, вопросительный знак. Нет, как минимум четыре вопросительных знака. И очень встревоженные смайлы.

Бабушка фыркает, засовывая оставшиеся фейерверки в дымоход. Их так много, что мне больше

не разглядеть внутри темных кирпичей. Час назад мы подняли через дымоход фитиль, который бабушка сейчас привязывает к огромной куче собранных вместе фитилей всех фейерверков. Сидя на корточках, она смахивает тонкие окрашенные в зеленый цвет волосы с глаз и сверкает мне озорной ухмылкой.

- Моя обязанность, как председателя приветственно-прощального комитета дома престарелых «Сильверлейк», устраивать девочкам и мальчикам должные проводы. Никакой похоронной процессии и скучной чепухи священника. Виола была хорошей женщиной, безгранично любившей жизнь. Она никогда не хотела скучных проводов, но ее дети всегда твердо на этом настаивали. И даже после смерти бедняжки они не посчитались с ее, можно сказать, последним желанием!

- Ужас! - восклицаю я синхронно с бабулей.

- Точно, - указывает она на меня, сверкая глазами цвета корицы, как у меня и папы. - Ужас. Ужасно. Отвратительно, что в наши дни люди не уважают мертвых. Поэтому мы просто обязаны почтить память моей мертвой подруги должным образом.

- Набив дымоход фейерверками.

- Набив дымоход фейерверками! - соглашается она. - Когда утром придет медсестра и разведет в камине огонь, она заодно подожжет и все это! Виола над этим хорошо посмеется.

Я улыбаюсь и помогаю бабушке спуститься по пожарной лестнице. Бабуля у меня высокая и в прекрасной форме для своих семидесяти лет, но все-таки она худая, а ее запястья и пальцы крохотные. Когда мы возвращаемся на твердую почву и шагаем по лужайке к ее зданию, бабушка обнимает меня за шею.

- А как насчет твоих похорон, детка? - спрашивает она.

- Ты говоришь о тех, которых никогда не будет, потому что я соберу семь жемчужин дракона и пожелаю вечную жизнь?

Она смеется.

- Да, именно. Что на них пренебреженно должно быть?

Я задумываюсь на целых шесть с половиной секунд.

- Поцелуи. Танцы нагишом. Может быть, торт.

Бабушка ухмыляется, пока мы поднимаемся по побеленной лестнице.

- Что? Что за выражение лица? Почему ты так на меня смотришь?

- Ох, ничего. Просто ты так повзрослела, вот и все. Ты сказала «поцелуй», не покраснев на пять оттенков.

- Да, теперь я очень зрелый, ответственный подросток, так что спокойно могу обсуждать свои трудности и невзгоды.

- Угу, - произносит с надеждой бабушка.

- Например, поцелуй. Я действительно кое с кем целовалась. - Бабушка ждет. - Ну, я сначала его ударила, и только потом мы поцеловались. Но это был хорошо продуманный, пропитанный зрелостью удар.

Бабушка долго и громко смеется. Когда она открывает дверь в свою комнату, проходит и садится на кровать, я указываю на нее пальцем.

- Даже не смей называть вещи, которые ты хочешь на свои похороны. Потому что когда старики говорят нечто подобное, это обычно сбывается, а если ты умрешь, то я стану бесконечно несчастной.

- Это сбывается потому, что мы мудры, дорогая.

- Это сбывается потому, что у вас, ребята, чертовски потрясающие мозговые силы, которые, кажется, способны на все, кроме дарования бессмертия. И зубов.

Бабуля смеется, снимая тапочки и ложась на кровать.

- Иди сюда.

Я, спотыкаясь, подхожу к кровати и присаживаюсь. Бабуля берет меня за руку и медленно гладит ее, смотря мне прямо в глаза.

- Множество людей в твоей жизни будут говорить тебе, как, исключительно по их мнению, ты должна жить. Кто-то, вероятно, не выскажет это прямо. Кто-то просто убедит, и слова не сказав, что тебе нужно жить определенным образом. - Она смотрит в окно, за которым лишь темнота, усеянная звездами, и улыбается, а затем снова переводит взгляд на меня. - Послушай меня внимательно, детка. Не живи жизнью, которая не приносит тебе счастья. Если ты не счастлива, оставь своего возлюбленного. Если ты не счастлива, уйди с работы. Если ты не счастлива, сделай все, чтобы стать счастливой. Потому что только ты сама можешь сделать себя счастливой.

Я открываю рот, чтобы возразить, но она шикает на меня.

- Я знаю. Знаю, что многие вещи и люди дарят тебе счастье. Но они не смогут сделать тебя счастливой, если ты не позволишь. Это исходит от тебя. От твоего сердца. Только ты можешь позволить счастью расти внутри себя. Некоторые люди этого никогда не узнают. Некоторые никогда не позволят зародиться счастью или же сделают это слишком поздно. Некоторые никогда этого не сделают, потому что боятся. Но это самое худшее, что можно сделать с собой. Это наказание. Многие даже не знают, что сами себя наказывают. Итак. Я хочу, чтобы ты знала. Хочу, чтобы ты попыталась стать счастливой.

Чувствую, как мои глаза наполняются слезами, и пытаюсь их сдержать. Если я сейчас заплачу, то, возможно, больше никогда не смогу остановиться.

- Была одна девочка, - говорю я. - П-подруга. Она никогда... никогда не позволяла.

- И где она сейчас? - терпеливо спрашивает бабушка.

- Она... - Я крепче сжимаю бабушкину руку. - Она покончила с собой. Я была последней... я была последней, кто с нею разговаривал, ба, и я...

Бабушка обнимает меня своими сильными, тонкими руками, и мне в нос ударяют запахи корицы и затхлого лена, исходящие от нее.

- Я могла бы... я должна была это понять, должна была...

- Ты ничего не смогла бы сделать, - уверенно произносит бабушка.

- Но я... я была с нею, я знала ее, знала, насколько она печальна...

- Должно быть, она была очень несчастна.

- Мы все это знали! Н-но... но мы думали...

- А сейчас? Думаешь, она все еще несчастна?

- Она... мертва.

- Там, где она сейчас, она счастливее, чем была здесь.

Я отстраняюсь.

- Нет! Она просто мертва. Она ничего не чувствует. Если бы... если бы она продолжала жить, она могла бы получить шанс снова стать счастливой, здесь, со всеми...

Глаза бабушки омрачаются, но не утрачивают своего блеска.

- Звучит ужасно похоже на то, что кто-то указывает девочке, как она должна прожить свою жизнь.

Мой рот широко распахивается, но я быстро его закрываю, не найдя ответа. Бабушка снова меня обнимает, прижимая мою голову к своей груди, и я не сопротивляюсь. Это как вернуться домой.

- Поплачь по ней, детка, а не по тому, что ты сделала или не сделала. А потом двигайся дальше. Найди то, что сделает тебя счастливой, - шепчет она. - И будь счастлива. Жизнь слишком длинная, чтобы грустить. Уверена, она хотела бы, чтобы ты была счастлива.

Все искривленные, гневные выражения лица Софии всплывают у меня в голове.

- Я так не думаю, - отвечаю я.

- Но ты сказала, что она была твоей подругой.

- Да, но... я обидела ее. Я сделала вещи, которые причинили ей очень острую боль.

- Специально?

Мое дыхание перехватывает прежде, чем я успеваю ответить «да». Мозг яростно начинает все анализировать. Я размышляю насчет нашего с Джеком поцелуя. Насчет нашей войны. Насчет смеха, праведного гнева и нежных, ласковых моментов. Воспоминания жалят, как лимонный сок в открытой ране.

- Н-нет. Я пыталась... помочь? - Бабуля заламывает тонкую бровь, и я качаю головой. - Началось все с того, что я пыталась помочь Кайле, но потом... потом он начал действительно мне нравиться. Я ранила Софию своим чувством к нему. Каждая секунда, когда мои чувства к нему становились глубже, усугубляла ее боль. Что ж. Беру свои слова обратно. Я не пыталась ей помочь. Я была эгоисткой.

- Звучит так, будто ты пыталась быть счастливой с этим мальчиком.

- Но это ранило ее, - усмехаюсь я. - Мы причинили ей много боли. Я встала между ними. Я... она, наверное, почувствовала, что между ними все кончено. Поэтому она... она...

В моей голове резко всплывает образ белого платья на зеленой лужайке. Синие глаза Софии, в которых больше не теплится жизнь, залитые лунным светом золотистые волосы с запекшейся кровью в том месте, где ее голова встретилась с землей. И крохотный серебряный браслет с гравировкой «Талли». Каждая мелочь отражается в моей голове.

Она потеряла все. И я забрала последнего человека из ее жизни. Я сделала это, не подумав, не приняв во внимание, насколько сильно это ее ранит. Я просто двигалась вперед и делала то, что хотела, потому что была эгоисткой. Потому что хотела быть счастливой.

Потому что я хотела любви, хотя прекрасно знала, что не заслуживала.

Как и сейчас; я вообще никогда не буду достойна этого прекрасного чувства.

Я зло.

Я самый темный дракон, который съел самую печальную принцессу.

Мои мысли грубо прерывает бабушкин палец, постукивающий меня по лбу.

- Я слышу, как в твоем мозгу вращаются шестеренки. Не иди по этому пути. Это высокомерно. Ты слишком много думаешь о себе и о том, как ты влияешь на людей. Если она покончила с собой, то сделала это только потому, что ее жизнь была жалкой и она годами об этом думала, а не потому, что ты что-то сделала.

- Но я поспособствовала. Я...

Бабушка откидывается на спинку кровати и фыркает, натягивая на себя одеяло.

- Я не собираюсь спорить с тобой, когда ты настолько поглощена жалостью к себе, слышишь? Возвращайся, когда будешь мыслить ясно. Я хочу разговаривать со своей внучкой, а не с глупой мученицей, которая пытается взять всю вину на себя. - Я молчу, и бабушка, должно быть, понимает, насколько это редкий случай, потому что вздыхает и добавляет: - Прости, детка. Знаю, это трудно. Но ты сама все усложняешь. - Она наклоняется и целует меня в щеку. - Возвращайся в девять, когда медсестра разожжет огонь.

На моих губах расплзается небольшая, мрачная улыбка.

Весь путь домой по темной дороге меня сопровождает маячащая на горизонте бледная, золотисто-белая практически полная луна. Такого же цвета, как волосы Софии. В моей голове отчетливо раздается ее голос:

«Ты пыталась помочь. Ты пыталась мне помочь, и за это я никогда не смогу отблагодарить

тебя».

Я приезжаю обратно в дом престарелых к девяти. Мы с бабулей припарковываем свои задницы на шезлонгах на лужайке, вооружившись солнечными очками и лимонадом, и ждем девяти часов.

Ровно в девять дымоход извергает фейерверки: оранжевые, синие и зеленые, испепеляющие облака. Бабушка смеется и поднимает небу тост. Тост, предназначенный для ее мертвой подруги. Я откидываюсь на спинку и улыбаюсь.

Хорошо быть живой.

- 4 -

3 года

44 недели

6 дней

Иногда, когда жизнь пинает тебя под зад, ты должен пнуть ее в ответ.

По яичкам.

Стальным носком ботинка.

По сути, если кто-то, кто угодно, пинает вас, будет очень зрело не прибегать к неэтичным мерам и не пинать их в ответ. Но это же не весело! А меня всецело заботит веселье. Стопроцентное удовольствие. Одно сотенное процентововольствие.

Я усмехаюсь собственному каламбуру. Одно сотенное процентововольство. И единственным признаком того, что последние пять минут я размышляла вслух, является мой прекрасный отец, постанывающий с другой стороны стола во время завтрака.

- Айсис, ешь, - умоляет он.

- Нет, пап, мне нужно идти. - Я быстро вскакиваю со стула, в то время как близняшки швыряются друг в друга овсянкой.

- Ты сейчас же сядешь и доешь свой завтрак вместе со всеми, Айсис, или да поможет мне...

- Куда ты собираешься? - прерывает его Келли, мило мне улыбаясь.

- Домой.

Глаза Келли загораются от такой перспективы, у отца же они темнеют.

- Айсис, по своему билету ты не сможешь вернуться домой раньше тридцатого...

- Пап, - ною я. - Моя подруга умерла, и я должна пойти пнуть жизнь по яйцам.

- Мы все умрем, - говорит одна из близняшек, прерывая свое метание овсянкой. Она моргает и широко распахивает обворожительно-голубые глаза, которые невероятно контрастируют с ее ярко-белокурыми косами.

- Точно! - Я указываю на нее рукой. - Видишь, пап? Она это понимает!

Когда лицо папы жутко краснеет, словно он вот-вот взорвется, Келли хватается за руку и лепечет:

- Ох, дорогой, ей, должно быть, просто не терпится начать учебу в колледже. Помнишь, какими мы были в ее возрасте? Мне так хотелось поскорее уехать из дома и начать собственную жизнь! Она всего лишь ощущает ту же старую добрую жажду независимости. «Дельта» меня обожает, не зря же у меня золотая карта, они без проблем позволят поменять мне дату.

Папа выпускает расстроенный вздох, с которым спадает краснота с его лица.

- Разве... разве ты не счастлива здесь? Мы ведь хотели провести твои летние каникулы вместе. Я не видел тебя в течение двух лет, Айсис. Двух лет.

- Что ты, мне здесь умопомрачительно весело, - решительно вру я. - И я буду по тебе скучать. - Еще одна ложь. Я даже тебя не знаю. - Понимаешь, я просто... Как сказала Келли, я готова ехать!

Отец, кажется, целую вечность смотрит на меня поверх своих очков, а затем вздыхает, и Келли улыбается. Я победила! Собирая чемоданы, я понимаю, что здесь на самом деле для меня ничего нет, за исключением позаимствованного «БМВ» и семьи, которая в действительности никогда не была моей. Мне потребовалось семнадцать лет, чтобы это понять.

«А до тебя действительно медленно доходит, не так ли?»

Голос раздается эхом так четко, что я бы могла поклясться, что Джек стоит рядом. Но здесь

никого нет, лишь перекосившаяся фотография Келли с папой смотрит на меня через открытую дверь. В доме нет ни единой моей фотографии, ни единой, даже детской.

Здесь я окружена людьми, но я совершенно одинока.

Застегиваю чемодан на замок и сажусь на него. Все. Я готова.

Два дня спустя в аэропорту я проливаю пару слезинок. Папа вообще не плачет, что красноречивее всяких слов подтверждает то, что я никогда не желала знать. Самолет взлетает, и я любезно бросаю арахис в лысого парня впереди меня, который не перестает испускать газы. Стюардесса посылает мне благодарный взгляд, но затем он встает и идет в туалет, не закрывая за собой дверь, и нам всем приходит конец. Мы погибаем. В течение двух часов.

Мама ждет меня в зоне выдачи багажа, и, несмотря на то, что благодаря лысому мужчине от меня исходит довольно неприятный запах, она меня обнимает, и я сразу же понимаю, что больше не одинока.

***

Собираться в колледж – это как собираться на войну. Ты не вернешься. Не знаешь, что тебя там ожидает. Плюс, есть вероятность, что ты можешь умереть (экзамены) и/или пострадать от жизнеповоротных ранений (похмелье, заболевания передающиеся половым путем). И если тебе все же удастся вернуться, то можешь считать, что тебе повезло. Однако вражеская территория так и умоляет изучить ее, а я получила все необходимые базовые навыки (старшая школа), так что со мной все будет хорошо.

У меня не получается впихнуть мисс Маффин в чемодан.

Со мной не будет все хорошо.

Мама слышит мои вопли отчаяния и появляется, словно загнанная гончая на заклятие.

– Что случилось? – спрашивает она.

– Моя жизнь кончена! – Я бросаюсь на подушки. Мама терпеливо ждет перевода, и я указываю пальцем на мисс Маффин, наполовину свисающую из набитого чемодана.

– Айсис, это же игрушка, – вздыхает мама. – А ты собираешься в колледж. Может быть, пришло время от нее избавиться.

Я резко сажусь в постели, демонстрируя незабываемое выражение лица: глаза огромные, как блюдца, а рот настолько широко распахнут, что можно сравнить только с летающей тарелкой,

не меньше.

- Хорошо, хорошо. Мисс Маффин остается, - быстренько поправляет себя мама. - Но имей в виду, что все зависит от первого впечатления, а мисс Маффин может впечатлить только шестилеток.

- Совершенно верно, мамре. Я хочу дружить только с теми, кому шесть. В глубине души. Исключительно в глубине души. Потому что законно водить машину также невероятно весело.

Мама, посмеиваясь, качает головой и возвращается вниз к своим блинчикам.

Я со всем изяществом анимационного ниндзя украдкой пробираюсь в ее ванную и проверяю аптечку. Она заполнена в основном антидепрессантами. С одной стороны меня это беспокоит, с другой - нет. С одной стороны они способствуют суициду, с другой же - они его и предотвращают. Это самая поганая пятьдесят на пятьдесят азартная игра в мире, но это все, что у нас есть. Это все, что будет уберегать маму, пока меня не будет рядом.

- Айсис, что ты делаешь?

Я сразу же захлопываю зеркало.

- Проверяю на наличие крыс! И плесени! И то, и другое убивает людей. А ты знала, что крысы могут прыгать на более чем десять футов в длину? И они всегда целятся в самое уязвимое место.

Мама напрягается, плотно сжимая губы, словно собирается отругать меня, но затем заходит и крепко обнимает меня руками. Руками, которые теперь немного толще, чем были раньше.

- Со мной все будет в порядке, милая, - шепчет она в мои каштановые волосы с выцветающими фиолетовыми прядками. - Все хорошо. Все хорошо, так что теперь ты можешь перестать беспокоиться.

- Я не могу, - отвечаю я. - Если я перестану, то случится что-то плохое. Если я перестану, то не замечу приближения «бури», не обращу внимания, и с тобой что-то случится...

Мама обнимает меня еще крепче.

- Ты так долго была сильной ради меня. Спасибо. - Я чувствую знакомое покалывание в глазах и быстренько отрицаю его существование. Мама отстраняется на расстояние вытянутой руки и, поглаживая мою щеку, разглядывает меня сверху донизу. - А теперь пришло время тебе стать сильной ради себя. Не меня. Не какого-либо другого. Только ради себя.

Я смеюсь, но в этом смехе нет и толики веселья.

- Я не... я не очень-то хороша в этом.

Мамины глаза подобны серым зеркалам, полным любви.

- Тогда пора учиться, - улыбается она.

Глубоко-глубоко в шкафу я нахожу розовую блузку, отправленную мне Келли. Но теперь эта блузка больше, чем просто вещь. Это розовая блузка, в которой Джек сказал, что я была... была... я даже не могу заставить себя это произнести. Как же, должно быть, жалко, что я даже не могу произнести одно слово! Рты предназначены для произнесения слов, и у меня есть рот, и я знаю уйму слов, но вот это одно озвучить невероятно трудно, поскольку оно кое-что значит.

В этой розовой блузке кое-кто впервые назвал меня красивой. Кое-кто, кого я уважала. Уважаю. Кое-кто, кого я любила.

Люблю.

Люблю?

Качаю головой и запихиваю блузку в самый дальний уголок чемодана. Никогда не знаешь, когда тебе понадобится новая занавеска. Или туалетный коврик.

Мама помогает мне загрузить вещи в машину. Я беру с собой свой старый верный синий чемодан и потрепанный школьный рюкзак. Школа. Привет, школа. Прощай, школа. Я слегка вздрагиваю, понимая, что я больше в ней не учусь. Я официально выпустилась. Половина меня хочет выпить девятнадцать «Ред Булов» и танцевать долбаный «Хоки-поки» нон-стоп двадцать четыре часа, другая же половина хочет заползти обратно в школу, завернуться в нее, словно в любимое одеяльце, и никогда не вылезать. Я решаюсь повалиться на лужайке, стоная от ужаса, как грязная гусеница, отказывающаяся вылезать из своего кокона.

Когда мама загружает последнюю сумку, на нашу подъездную дорожку заезжает Кайла. Я вскакиваю с газона и бросаюсь к ней. Она приехала как раз вовремя для нашего ужина-свидания. Нашего последнего, заключительного, прощального ужина-свидания. Она выходит из машины в ослепительно красивом белом платье и сандалиях, ее темные, шоколадные волосы идеально выпрямлены. Подруга приветствует мою маму с изяществом семи французских королей и затаскивает меня в свою машину с силой семи викингов.

- Ты действительно берешь с собой только те вещи, которые в багажнике? - негодует она, когда мы едем по дороге. - Кочевые цыгане и то путешествуют с большим багажом, чем ты!

- Ах, - я поднимаю палец, словно мудрец, - однако у кочевых цыган нет целого кармашка в

чемодане, отведенного под мармеладных мишек «Харибо».

Кайла закатывает глаза.

- Ты такая сумасшедшая.

- Я предпочитаю сумасшедшепомешанная на мармеладе.

- О, правда? - Кайла заламывает бровь в той ужасно отвратительной манере двусмысленности, и мне приходится подавлять мгновенно возникшее желание вырвать эту бровь с ее лица, ведь ее лицо - произведение искусства, отвратительная бровь или нет. А я не порчу искусство. Ну, за исключением случаев, когда порчу, а затем меня ругают.

- В любом случае, - говорю я. - Это наша последняя встреча до рождественских каникул, так что нам лучше пойти в гей-бар или еще в какое-нибудь столь же развлекательное и незабываемое место.

Кайла улыбается, выезжая на шоссе.

- Я знаю одно подходящее место.

Я узнаю улицу раньше, чем ресторан. «Красный папоротник». Место, где я устроила первое свидание Джека и Кайлы. Свидание, на котором я за ними шпионила. Но Кайла, конечно же, этого не знает. Она выбирает кабинку у окна, и мы усаживаемся. Подруга заказывает чай со льдом, а я - рутбир.

- Если бы мы были в Европе, то могли бы заказать вино, - мечтательно вздыхает Кайла. - Боже, оно у них там такое хорошее.

Я хмурюсь, вспоминая билет, который оставил мне Джек; и от этого воспоминания остается неприятный привкус во рту.

- О да. Все обожают черную чуму.

- Айсис, это было несколько веков назад. Больше ни у кого нет черной чумы.

- Эмо всего мира позволят себе не согласиться.

Кайла закатывает глаза и заказывает спринг роллы на двоих. Я нервно осматриваю декор. Те же красочные райские птицы украшают вазы, а хрустальные светильники выглядят как морские водоросли, заключенные в лед.

- Никогда здесь не бывала, - говорю я. - Здесь мило.

- Ох, не ври.

Холодная волна пробегает по моему позвоночнику, ударяя прямо в пятую точку. Это, мягко говоря, неприятно.

- Что?

Кайла потягивает чай.

- Джек рассказал мне, что ты шпионила за нами на нашем свидании.

- Только потому, что он был, объективно говоря, гнойно-жопым едоком букашек с противным лицом, и мне пришлось...

- Я знаю, что ты ему заплатила, чтобы он меня пригласил, - прерывает она. Я широко открываю рот, как исключительно немая рыба. - Все хорошо. Меня это больше не беспокоит. Кажется, это было так давно.

- Ты... - Я сглатываю. - Ты не суперзла?

- А почему я должна быть зла? Это был один из лучших вечеров в моей жизни.

- Когда он...

- В ту ночь, когда мы расстались. Точнее, на следующее утро, после вечеринки у Эйвери, когда она...

Когда она заперла Рена и накаченную наркотиками Кайлу в комнате. Однако я этого не говорю, об этом действительно не стоит говорить. Кайла встряхивает волосами.

- Когда вы с Реном отправились надрать задницу Эйвери, мы с Джеком поговорили о многих вещах. В том числе и об этом. Он мне все рассказал.

- Я не хотела ничего плохого. Блин, я не хотела ничего плохого, - мгновенно говорю я. - И мне действительно очень жаль...

- Не будь идиоткой. - Она пинает меня под столом. - Все уже закончилось, это было давным-давно, к тому же я бы тебе все простила. Ну, за исключением убийства своего брата. Хотя, может быть, простила бы тебя даже за это, зависит от того, сколько бы он плевал в меня на

предшествующей убийству неделе.

Нам приносят наши спринг роллы, и я топлю свою благодарность в рисовой бумаге и простой начинке из тофу. Кайла говорит о Массачусетсе и всех местах, которые она собирается посетить вместе с Ренам. Ей идеально подойдет восточное побережье. Она великолепная, смуглая и высокая, так что большой город – это именно то, что надо, таким образом максимальное число чернорабочих смогут греться в ее великолепии, пока она расцветает в самую красивую женщину в мире, а в конце концов превращается в королеву Вестероса.

- Мне даже не нравится «Игра престолов», – возмущается она. – Там все слишком белые.

В книгах меньше белых людей, и она бы это знала, если бы больше читала.

- Я читала «Войну и мир».

Поправка: она бы это знала, если бы больше читала более подходящих, не глупых книг.

- О, мой Бог, да ты сноб! Я лучшая подруга книжного сноба.

Я откидываю волосы и заказываю жареный рис, а Кайла – кокосовое карри. Где-то снаружи мужчина кричит: «БЛЯДЬ», а другой: «ОСТАНОВИСЬ», но нам их не видно. Все это так драматично. Кайла ковыряет ногти, и ее слабо раздраженную радость заменяет мрачный взгляд.

- Я буду скучать по тебе, сноб.

Я тянусь через стол и кладу свою руку поверх ее.

- Я всегда буду с тобой, – говорю я. Она улыбается, и я продолжаю: – Как парочка бестелесных глаз. Наблюдая за твоими ягодицами с великим восхищением убийственной зависти, смешанной с защитным материнским инстинктом.

- Фу.

- Рен не узнает, что ударит его, когда я материализуюсь прямо из воздуха в ночь вашего первого полового сношения и заеду ему в рот.

Кайла сверкает сердитым взглядом.

- Мягко. Заеду ему в рот мягко, – исправляюсь я. – Мизинцем.

Подают наш заказ, и мы едим, словно оголодавшие гиены, что само по себе прогресс, потому что на лестнице прожорливых едоков девушки-подростки находятся чуть ниже огромных белых акул и выше оголодавших гиен, а это означает, что мы действительно ведем себя хорошо. Однако официантка, кажется, так не считает, поскольку она морщит нос, когда забирает наши блюда, демонстрирующие кольца оставленной еды, словно ореолы славы. И несварения желудка. Я на секунду ныряю в уборную, чтобы смыть с лица арахисовый соус. И вот тут на меня обрушиваются воспоминания с особо гнусной мстостью. Джек опирался об эту стойку. Джек прикасался к этой раковине. Джек впервые прикоснулся к моему лицу, стоя между стойкой и стеной. Джек присутствует в каждой плитке этой уборной, и я не могу от этого убежать.

Да я и не хочу.

Он может отсутствовать, исчезнуть из моей жизни, словно призрак, но здесь? Он все еще здесь. Я могу представить себе его высокую фигуру здесь. Могу закрыть глаза и снова оказаться в прошлом.

Это просто тупая уборная в тайском ресторане. Однако для меня, это гораздо больше, чем просто уборная.

Я умываюсь и пристально смотрю на себя в зеркало.

Это наш с Кайлой последний ужин, повторить который мы еще долго не сможем. Четыре месяца, как минимум. Я уезжаю завтра. Она уезжает через неделю. Здесь заканчивается старая и начинается новая жизнь. Никто не знает, что произойдет дальше, но я намерена сохранить ее в своей жизни. Я не потеряю ее.

Не так, как я потеряла Джека.

- Все в порядке? - спрашивает Кайла, когда я возвращаюсь к столику. - Диарея?

- Ох, постоянная. Это моя суперсила. Полуавтоматическое извержение.

Кайла молчит, а это означает, что она либо не поняла моей шутки, либо не слушала.

- Ты по нему скучаешь, да? - тихо спрашивает она.

Я знаю, о ком она говорит. Трудно не догадаться, когда он словно гигантский розовый слон, маячащий перед нашими лицами. Образно выражаясь. Образно маячащий перед нашими лицами. Но я разыгрываю из себя дурочку, потому что так легче.

- По Рену? Конечно, черт возьми, я по нему скучаю. Вчера вечером я отправила этому ботану сообщение на Фейсбук, но он никогда не...

- Я имела в виду Джека, тупица. - Я молчу. Кайла вздыхает и скрещивает на груди руки, пока ждет счет. - Это не справедливо. Он просто взял и оставил тебя.

Я смеюсь горьким смехом.

- Все прекрасно. В любом случае, между нами ничего не было.

Кайла одаривает меня еще одним острым убийственным взглядом. Она хорошо переняла его у Эйвери.

- Не морочь мне голову, ладно? Вся школа может засвидетельствовать ваше взаимное влечение. А я твоя лучшая подруга. К тому же я некоторое время встречалась с Джеком. Так что я точно знаю, как много вы значите друг для друга.

- Очевидно, не так уж и много, - снова смеюсь я. - Ведь он так быстро уехал. Даже не попрощавшись.

Кайла молчит, ожидая продолжения.

- Жизнь действительно странная штука, - улыбаюсь я. - Ты никогда к этому не привыкнешь. Но ты все равно живешь. И порой можно найти кое-что, что сделает ее чуть более комфортной, и ты пытаешься это удержать, но чем крепче ты держишь, тем быстрее оно ускользает.

Я смотрю в окно на окрашенную сумерками главную улицу, где только начинают расцветать золотые фонари. Я буду скучать по этому маленькому городку, но он не будет скучать по мне.

- Думаю, София знала это лучше всех нас, - продолжаю я. - Может быть, она была единственной в мире, кто это знал. Возможно, именно поэтому она просто... отпустила. Ведь чем крепче она держала то, что любила, тем быстрее оно ускользало.

- Айсис...

Я поворачиваюсь к Кайле.

- Со мной все в порядке, правда. Я просто много о ней думала. О том, что могла бы сделать. Ба сказала, что я ничего не смогла бы сделать. Но я могла бы. Я могла бы просто отпустить. Могла бы отпустить Джека, и, возможно, Софии до сих пор была бы жива.

- Это неправда! - протестует Кайла.

- Может быть, ты права, а может быть, и нет. И все же, единственное, что я знаю наверняка,

так это то, что в том альтернативном мире, где я отпускаю Джека, София, скорее всего, еще жива.

Кайла вздрагивает. Официантка оставляет счет, но подруга его даже не замечает, и я жестом указываю на него.

- Ты заплатишь? Или я?

Кайла неохотно выуживает две двадцатки, а я даю пять на чаевые. По дороге домой под темным и беззвездным небом, как холодные океанские воды, Кайла наконец-то говорит:

- Айсис, ты не сделала ничего плохого.

- Не сделала, - соглашаюсь я. - Ты права. Я не сделала ничего плохого. Но я не сделала ничего, точка.

Кайла пытается сломать темный лед, покрывший нашу беседу, и я ей в этом помогаю. Это наша последняя встреча на довольно долгое время, но все омрачает тень смерти Софии, преследующая нас. Меня. Она преследует меня, портя наше прощание, а я даже не могу это остановить.

- Послушай, Кайла, прости. Мне просто... просто очень жаль. Не знаю, когда я стала такой... ведь я обещала себе, что не буду такой...

- Но легче сказать, чем сделать, - прерывает она. - Знаю. Рен тоже был таким. Не волнуйся. Все хорошо. У меня была практика в обращении с людьми, страдающими депрессией, - одаривает она меня немного изможденной улыбкой.

Когда мы заезжаем на подъездную дорожку моего дома, то еще какое-то время сидим в темной машине, наблюдая, как мотыльки атакуют освещение крыльца. Они бросаются на него снова и снова, словно хотят вспыхнуть и сгореть.

- Мне повезло, что я тебя встретила, - улыбаюсь я Кайле. - И мне тройне повезло, что ты равнодушна к сумасшедшим чудикам. Да я просто выиграла лотерею дружбы.

- Так же как и я, - отвечает Кайла, надувая губки. - Без тебя я бы никогда не поняла, что Эйвери меня использовала.

- Джек помог.

Она кивает, криво усмехаясь.

- Полагаю. Немного.

- Помнишь, как мы впервые встретились на вечеринке у Эйвери? И он довел тебя до слез?

- О Боже, я была такой плаксой. Даже поверить не могу, какой я была дурочкой. И это было всего десять месяцев назад. За это время я могла бы родить ребенка.

- Плаксивого ребенка, - вставляю я.

- Все дети плаксы, - возражает она.

Прищуриваясь, я принимаю вид старого мудреца и произношу, словно постулат:

- Но все ли плаксы... дети?

Кайла слегка толкает меня, а затем вздыхает и откидывается на спинку сиденья.

- Джек был первым, кто поднял этот вопрос. Он заставил меня все подвергнуть сомнению: почему я тусовалась с Эйвери, по-настоящему ли я наслаждалась ее обществом, сколько моих чувств было скрыто за шопингом и сплетнями. Без него у меня бы на это ушло гораздо больше времени.

- Его бы не убило, если бы он немного это подсластил, - ворчу я. - Вилли Вонка делает это все время, и с ним все в порядке! Конечно, он сумасшедший и, возможно, одержимый мыслью об убийстве, но здоровье у него отменное.

Кайла смеется, качая головой.

- Ты же знаешь Джека. Это не в его духе.

Я улыбаюсь, немного кривовато, но все же улыбаюсь. Кайла кладет руку на мое плечо.

- Вы двое... одинаковые. Я раньше этого не замечала, но Рен указал мне на это, и... он прав. Вы действительно одинаковые. Так что, я думаю... думаю, несмотря на то, что сейчас он выбрал бегство, он вернется. Таких людей, как ты, не часто встретишь. Он вернется.

- И, когда он вернется, я его обезглавлю, - гордо объявляю я.

- Ты поприветствуешь его, - строго говорит Кайла, - объятиями.

- Я поприветствую объятиями... его торс, у которого будет отсутствовать голова.

Кайла хлопает ладонью по своему лбу, и я, смеясь, ее обнимаю. Смеюсь, теплым смехом. Настоящим смехом. Смеюсь впервые за очень долгое время.

Я не теряю свою лучшую подругу по-настоящему.

Просто каждая из нас идет своим путем. Мы разлетаемся на разных ветрах, но мы воссоединимся вновь. Мы изучаем земной шар в разных направлениях. Как Колумб и Магеллан, смело направляясь туда, куда не ступала нога вонючего европейского исследователя шестнадцатого века и его жалкой команды больных цингой! За исключением того, что один умер от лихорадки, и вроде бы мятежа, черт, там же еще был расистский ублюдок, который поспособствовал столетнему геноциду, в общем, хорошо подумав, я решаю отклонить эту метафору целиком.

- Слава Богу, - выдыхает Кайла. - А теперь ты можешь выйти?